

В.В. ВОЛКОВ, В.В. ПОЛЕЩУК

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологии, ведущий исследователь, Институт философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской Международной академии, Рига, Латвия (vladislaus.volkovs@inbox.lv); ПОЛЕЩУК Вадим Владимирович – магистр права, советник Центра информации по правам человека, Таллин, Эстония (vadim@lichr.ee).

Аннотация. Межэтническая коммуникация является одним из важнейших механизмов, обеспечивающих межэтническую солидарность в мультиэтнических обществах, и служит показателем уровня их интегрированности. В статье на основании результатов двух социологических исследований, проведенных в Латвии и Эстонии, раскрываются особенности современного состояния межэтнической коммуникации между этнонациональным большинством (латышами в Латвии и эстонцами в Эстонии) и крупнейшими этническими меньшинствами (прежде всего, русскими) по вопросам, значимым для последних. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в обоих случаях нациестроительство не идет по пути демократической и либеральной интеграции общества. Современное состояние межэтнической коммуникации в упомянутых странах не способствует формированию общих для всего населения ценностей, а напротив, закрепляет воспроизводство институционализированных различий в статусах проживающих на их территории этнических групп.

Ключевые слова: межэтническая коммуникация • этнические меньшинства • этнонациональное большинство • этнокультурная идентичность • Латвия • Эстония • русско-язычное население

DOI: 10.31857/S013216250004008-1

Институциональные параметры межэтнических отношений в Латвии и Эстонии.

И в Латвии, и в Эстонии межэтнические отношения в значительной степени оказываются объектом регулирования со стороны государства, которое институционализирует различные аспекты идентичностей этнонационального большинства и этнических меньшинств, отражающие их неодинаковую роль и статус в процессе нациестроительства. С одной стороны, конституции¹ обеих стран гарантируют право на сохранение этнокультурной идентичности проживающих на их территории народов, что соответствует ратифицированной ими рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. С другой, в преамбулах латвийской и эстонской конституций понятие «нация» употребляется только с прилагательным, обозначающим этническое большинство – «латышская» и «эстонская», а этнические меньшинства определяются не как части «нации», а как части «народов Латвии» и «народа Эстонии». Кроме того, в Конституции Латвии «латвийская идентичность» связывается исключительно с «традициями латышей и ливов, с латышской жизненной мудростью, латышским языком», что, по сути, узаконивает субординацию в понимании идентичности латышей и этнических меньшинств.

Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта № NFI/R/2014/06 (Латвия) и группы ALDE Европейского парламента (Эстония).

Авторы выражают признательность за помощь А. Семенову и сотрудникам социологической фирмы «Saar Poll» (Таллин, Эстония). Выводы и суждения, представленные в настоящей статье, не являются выражением взглядов и мнений Европейского парламента, группы ALDE или иных структур Евросоюза.

¹См. ст. 114 Конституции Латвии и ст. 49 Конституции Эстонии.

В основе проводимой в рассматриваемых странах Балтии этнополитики лежат принципы континуитета и реституции (восстановления довоенной государственности) [Полещук, Димитров, 2013], оказывающие существенное влияние на характер отношений между этническим большинством и этническими меньшинствами. Последовательное соблюдение данных принципов приводит к разделению общества не только по линии язык/этническая принадлежность, но и по наличию гражданства страны проживания. В качестве единственного государственного языка признается язык этнического большинства – латышский² или эстонский³. Начиная с 1991 г., сфера применения языков этнических меньшинств в Латвии и Эстонии постоянно сокращается, особенно в системе образования. Также на протяжении ряда лет наблюдается неуклонное сворачивание публичного обсуждения проблем, затрагивающих разнообразные стороны жизни этнических меньшинств в этих странах [Волков, 2016]. В Латвии, например, ни одна партия, прошедшая в Сейм в 2014 г., даже не упоминала этнические меньшинства в своей предвыборной программе [Волков, 2015: 724]. В то же время у последних наблюдается острая потребность закрепить в пространстве публичной коммуникации сегменты, воспроизводящие и развивающие их коллективную этнокультурную идентичность [Волков, 2013: 188–193]. Аналогичная ситуация складывается и в Эстонии, где существующие межэтнические отношения можно описать в терминах доминирования, контроля или подчинения меньшинств [Pettai, Hallik, 2002; Järve, 2005].

Постановка проблемы. Государственная этнополитика Латвии и Эстонии сказывается на специфике межэтнической коммуникации в этих странах, а она, в свою очередь, влияет на протекание процесса интеграции этнических меньшинств и признание их идентичностей в качестве полноценной формы национальной идентичности. Межэтническая коммуникация, понимаемая нами как особый вид социальной коммуникации «между людьми различных культур» [Rogers et al., 2002: 5, 7], присутствует и в бытовой, и в публичной сфере. Ее объектами выступают разнообразные ценности, связанные с удовлетворением насущных потребностей людей и обеспечивающие воспроизводство национально-политической и культурной жизни страны в целом и этнокультурной идентичности ее жителей в частности.

«Включающий» характер межэтнической коммуникации способствует укреплению гражданской и национальной солидарности и формированию ценностей, общих для этнического большинства и меньшинств, в том числе уважения к этнокультурной коллективной идентичности последних [Kim, 2006: 284, 291; Суюнова, 2014: 41–42; Taylor, 1994: 25–42, 58–59]. Немаловажную роль при этом играет равноправие участников коммуникации, взаимное позитивное признание этнических идентичностей друг друга [Хабермас, 2000: 139–170, 199, 202] и восприятие сложившихся отношений как справедливых [Rawls, 2005: 60–61, 126–134]. Демократическая интеграция мультиэтнического общества невозможна без постоянно возобновляемого коммуникативного дискурса между носителями различных идентичностей [Козн, Арато, 2003: 457–463, 470, 479, 484–485, 495]. Кроме того, укрепление коммуникативных связей между различными этническими группами защищает гражданское общество и его институты от давления политической, административной и экономической жизни [Habermas, 1989: 2–37, 56, 83, 147]. Альтернативой демократической интеграции мультиэтнического общества являются ее националистические варианты, при которых наблюдается воспроизводство статусных различий в идентичностях этнического большинства и меньшинств [Wirth, 1956: 237–238]. В этом случае их коммуникация оказывается фрагментаризированной по этническим границам [Brubaker, 1996: 67–69].

Согласно Х. Абельсу, изучение межэтнических отношений в контексте коммуникации усиливает внимание исследователя к непривилегированным группам общества, обнажая столкновение различных идентичностей [Абельс, 2000: 244]. Учитывая то, какие непростые отношения складываются на сегодняшний день между этническим большинством

² Latvijas Republikas Satversme. URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=57980> (дата обращения: 14.06.2016).

³ Keeluseadus. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/131122015022> (дата обращения: 14.06.2016).

и меньшинствами в странах Балтии, мы решили выяснить, насколько первое – латыши (в Латвии) и эстонцы (в Эстонии) – готово обсуждать темы, затрагивающие интересы вторых, и насколько крупнейшее из этих меньшинств – русские (русскоязычное население) – готово актуализировать их в коммуникации с латышами и эстонцами. Также нас интересовало, в какой мере характер межэтнической коммуникации в этих мультиэтнических обществах способствует их интеграции.

Эмпирической базой исследования послужили данные опросов жителей Латвии и Эстонии. Они проводились независимо друг от друга, однако поскольку указанные страны прошли похожий исторический путь формирования национальной государственности и в структуре их населения присутствует большая доля этнических меньшинств, в отношении которых осуществляется во многом схожая этнополитика, мы сочли возможным сопоставить их результаты. Это позволило нам выделить типичные особенности коммуникации этнонационального большинства и этнических меньшинств (прежде всего, русских), общие для балтийских государств в постсоветский период.

Латвийское исследование (октябрь–декабрь 2016 г.) охватило все регионы страны. Было опрошено 1003 человека: 687 (68,5%) латышей, 257 (25,6%) русских и 49 (4,9%) представителей других национальностей, что соответствует реальной этнической структуре латвийского населения на момент проведения опроса⁴. В Эстонии (январь 2016 г.) по всей стране было опрошено 619 человек в возрасте от 15 лет и старше, в том числе 67,6% эстонцев и 32,4% неэстонцев⁵.

Уровень этнического равноправия в Латвии. Для выявления степени интеграционности нелатышей (в первую очередь русских) в латвийское общество мы использовали два критерия: оценка опрошенными *индивидуальных шансов* представителей этнических меньшинств на социальное продвижение, прежде всего на рынке труда, и важность для них [опрошенных] обсуждения проблем, связанных с *коллективной идентичностью* этнических меньшинств, в различных сферах общественной жизни. Согласно полученным данным, восприятие латвийцами современного состояния интеграции их общества нельзя назвать однозначным, как, впрочем, и разделяемый ими взгляд на необходимость использования ресурса межэтнической коммуникации для повышения роли этнических меньшинств в этом процессе. С одной стороны, большинство полагает, что в Латвии реализуются принципы индивидуального равноправия в отношении этнических меньшинств. С другой, нами были зафиксированы расхождения во мнениях в зависимости от этнической принадлежности респондентов. Русские оказались более сдержанными в своих оценках, нежели латыши. Так, равенство карьерных возможностей для представителей этнического большинства и меньшинств в самых разных профессиональных областях признали от 62,2 до 89,4% латышей и от 47,1 до 78,8% русских (табл. 1).

Аналогичная картина наблюдается с соблюдением прав этнических меньшинств на реализацию их идентичности в различных сферах общественной жизни. Подавляющее большинство латышей (от 64,3 до 94,0%) и русских (от 58,2 до 90,2%) считает, что у них такое право «есть» или «скорее есть». И в то же время оценки уровня этнического равноправия в системе государственного управления, полиции и правоохранительных органах оказались не самыми высокими, что указывает на приоритет латышской коллективной идентичности по сравнению с идентичностью этнических меньшинств и закрепление этих институционально поддерживаемых различий в массовом сознании (табл. 2).

⁴ На конец 2016 – начало 2017 г. в Латвии проживало 2,129 млн человек. Из них латыши составляли 59,6%, этнические меньшинства в целом – 40,4%, в том числе русские – 27,0% (см.: Latvijas iedzīvotāju sadalījums pēc nacionālā sastāva un valstiskās piederības. URL: <http://www.pmlp.gov.lv/lv/> (дата обращения: 22.04.2017)).

⁵ По данным Департамента статистики Эстонии, на начало 2016 г. ее население насчитывало 1,350 млн человек. Доля эстонцев составляла 68,8%, неэстонцев – 31,2%, в том числе русских – 25,1% (см.: URL: <http://pub.stat.ee> (дата обращения: 01.09.2017)).

Таблица 1

Оценка равенства карьерных возможностей латышей и нелатышей в Латвии
(доля признавших их «равными» и «скорее равными», %)

Сфера занятости	Латыши	Русские
Малый бизнес	89,4	78,8
Спорт	86,8	78,1
Культура и развлечения	86,2	72,5
Средний бизнес	85,2	73,5
Наука и образование	83,8	68,0
Журналистика	84,0	66,7
Крупный бизнес	78,9	63,4
Самоуправления	69,6	58,5
Политика	68,6	55,9
Полиция	63,2	49,7
Правоохранительная система	62,2	49,3
Государственное управление	62,2	47,1

Таблица 2

Оценка влияния этнической принадлежности человека на его жизнь в Латвии
(в % от числа опрошенных)

Этническая принадлежность	Латыши			Русские		
	позитивное, почти позитивное	нейтральное	негативное	позитивное, почти позитивное	нейтральное	негативное
Латыш	60,8	36,8	2,3	69,3	28,8	2,8
Русский	39,7	48,9	11,4	41,2	44,1	14,3
Литовец	38,9	59,2	1,8	45,4	51,3	3,3
Белорус	35,1	60,0	4,8	39,9	50,7	9,5
Поляк	35,1	61,4	3,4	41,8	52,3	5,9
Еврей	29,0	58,7	12,4	34,0	55,6	10,5
Цыган	14,8	40,0	44,9	19,3	35,0	45,8

Таким образом, интеграция представителей этнических меньшинств в латвийское общество происходит исключительно в форме индивидуального социального продвижения. Напротив, необходимость существенного повышения статуса их коллективной идентичности фактически игнорируется и замещается представлением о неравноценности коллективных идентичностей латышей и нелатышей. Все это явно не способствует развитию межэтнической коммуникации по проблемам, касающимся последних. «Часто» или «иногда» в обсуждении подобных проблем участвуют только 14,7% латышей. Однако и русские не особо стремятся тематизировать и артикулировать их в публичном пространстве. Тем не менее они значительно чаще, чем латыши, высказываются в поддержку увеличения объема информации об этнических меньшинствах, представленной в различных сферах коммуникации (50–60% против 30–40% латышей) (табл. 3). Латвийские русские явно чувствуют свою «недооцененность» в обществе.

Характер межэтнической коммуникации в Эстонии. Одна из задач исследования заключалась в выявлении установок населения Эстонии на этническую открытость/замкнутость. Согласно полученным данным, в основном эстонцы и неэстонцы контактируют («часто» или «иногда») на работе и на учебе – 42,0 и 67,9% соответственно, а также по месту жительства (41,6 и 55,1%). Гораздо реже они взаимодействуют в свободное время или

Таблица 3

Доля высказавшихся за увеличение информации, касающейся проблем этнических меньшинств в латвийском обществе
(в % от числа опрошенных)

Сфера коммуникации	Латыши	Русские
СМИ	41,3	64,2
Коммуникация представителей власти с обществом	33,5	58,4
Коммуникация политических партий с обществом	34,9	57,6
Коммуникация НПО с обществом	37,6	56,4
Коммуникация ученых с обществом	33,0	52,9
Система среднего образования	40,9	57,2
Система высшего образования	38,3	57,6
Коммуникация религиозных организаций с обществом	27,4	49,4

занимаясь хобби (21,3 и 29,7%). Еще реже встречаются случаи общения в рамках семьи (5,4 и 10,9%), что обусловлено незначительной долей браков между эстонцами и неэстонцами и стремлением последних отдавать своих детей в русскоязычные школы. Невысокий уровень контактов представителей этнического большинства и меньшинств и в различных организациях и союзах – 14,4% у первых и 28,4% у вторых. Тем не менее те и другие относятся преимущественно терпимо к мультиэтничному коллективу и соседству и по большей части нейтрально к межэтническим бракам ближайших родственников (табл. 4).

Таблица 4

Предпочтительный этнический состав групп из числа ближайшего социального окружения
(в % от числа опрошенных)

	Эстонцы	Неэстонцы
Предпочтительный коллектив на работе		
Только члены своей группы	19,3	5,2
Только члены противоположной группы	0,2	1,2
Мультиэтнический	37,4	58,4
Безразлично	42,1	34,1
Предпочтительные соседи		
Только члены своей группы	25,7	4,7
Только члены противоположной группы	0,2	0,9
Мультиэтнический	33,2	59,4
Безразлично	39,8	34,6
Отношение к смешанным бракам ближайших родственников/членов семьи		
Скорее или полностью за	25,6	44,5
Нейтрально	54,4	44,5
Скорее или полностью против	17,9	10,4

В то же время нами были зафиксированы различия в оценке уровня этнического равноправия в Эстонии, понимаемого как равенство возможностей в плане социального и карьерного продвижения в зависимости от этнической принадлежности респондентов. Так, по мнению эстонцев, в большинстве сфер общественной жизни шансы всех граждан примерно равны, лишь в политике эстонцы имеют некоторое преимущество. Напротив, неэстонцы полагают, что практически во всех сферах, за исключением церковной и

Таблица 5

**Шансы на социальное и карьерное продвижение эстонцев и русскоязычных неэстонцев, владеющих эстонским языком и имеющих эстонское гражданство
(в баллах)**

Сфера социального и карьерного продвижения	Эстонцы	Неэстонцы
Политическая карьера	1,74	1,22
Успех в бизнесе	1,97	1,60
Хорошее образование	1,85	1,52
Материальное благополучие	1,97	1,48
Назначение пенсий и пособий	1,92	1,58
Участие в церковной и религиозной жизни	1,86	1,94
Участие в процессах принятия политических решений и возможность выразить свое мнение	1,77	1,48

Примечание. Оценка производилась по 3-х балльной шкале: 1 – у эстонцев преимущество; 2 – равные возможности; 3 – у неэстонцев преимущество.

религиозной жизни, эстонцы оказываются в более выгодном положении (табл. 5). Эти результаты согласуются с результатами других аналогичных исследований [Anniste, 2017: 87].

Низкие оценки уровня равноправия, полученные от неэстонцев, вполне могут быть обусловлены реальными случаями дискриминации, в том числе и по этническому признаку, с которыми доводилось сталкиваться русскоязычным респондентам на работе или при ее поиске. Они гораздо чаще эстонцев становились жертвами дискриминации из-за этнического происхождения (14,4 против 1,1% у эстонцев), родного языка (16,0 против 1,3%), возраста (13,6 против 4,0%) и состояния здоровья (7,0 против 2,8%). Если же исключить из расчета тех, кто не искал работу или не работал в течение двух лет, предшествовавших опросу, эти показатели окажутся еще выше: 19,6% из-за родного языка и 17,8% из-за этнического происхождения. Стоит особо отметить, что приведенные данные свидетельствуют не столько о дискриминации в юридическом смысле, сколько о восприятии жителями Эстонии их опыта межэтнических контактов в сфере трудовых отношений. При этом полученные нами результаты в целом подтверждают результаты других опросов, также изучавших характер контактов между эстонцами и неэстонцами [Kruusvall, 2015: 66].

Еще одной причиной, препятствующей развитию межэтнической коммуникации в Эстонии, могут быть различия в представлениях эстонцев и русскоязычного населения о ценностях, разделяемых последним. Так, лишь 28,3% неэстонцев включили в список трех приоритетных для них ценностей «уважать эстонский язык и культуру, давая своим детям образование на эстонском языке», против 63,9% эстонцев. Русскоязычным неэстонцам гораздо важнее «сохранять русский язык и культуру, передавая их своим детям» – 58,2%, однако только 26,5% эстонцев придерживаются того же мнения. Аналогичная ситуация складывается и с готовностью «быть лояльными жителями Эстонии и уважать право эстонцев на управление своим государством» – к тройке приоритетных эту ценность отнесли 71,8% эстонцев и 46,4% русскоязычных респондентов. Таким образом, большинство эстонцев не задумывается о необходимости сохранения идентичности, родного языка и культуры этнических меньшинств и, скорее всего, предпочло бы их (культурную и языковую) ассимиляцию.

Выводы. Результаты обоих опросов позволяют сделать вывод о наличии расхождений между реальным и декларируемым уровнем интеграции латвийского и эстонского обществ. Модель интеграции, реализуемая в Латвии и Эстонии, не может быть определена как вполне демократическая, поскольку не предполагает активного включения этнических меньшинств в строительство гражданской нации и не рассматривает их коллективную идентичность в качестве одной из форм национальной идентичности. Формальное признание права меньшинств на сохранение собственной идентичности соседствует с

акцентированием политическими элитами и представителями этнического большинства приоритета идентичности последнего в государственной и общественной жизни. Все это приводит к сужению сферы межэтнической коммуникации, особенно по социально-политическим и культурным вопросам, актуальным для этнических меньшинств, и делает проблематичным общественное признание значимости этих вопросов. Говоря другими словами, современное нациестроительство в Латвии и Эстонии идет по пути воспроизводства различий в статусах идентичностей этнонационального большинства и этнических меньшинств и пренебрегает возможностью политического и гражданского включения последних в жизнь этих стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000.
- Волков В.В. Демография русского населения Латвии в XX–XXI веках // Этническая политика в странах Балтии / Под ред. В. Полещука, В. Степанова. М.: Наука, 2013. С. 177–196.
- Волков В.В. Идентичности этнических меньшинств в политической жизни и в научных исследованиях в Латвии // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах / Под ред. А. Дмитриева. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 137–153.
- Волков В.В. Этнические меньшинства в латвийском политическом дискурсе // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад. Т. 2 / Под ред. В. Тишкова, В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 725–732.
- Козн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003.
- Полещук В., Димитров А. Континуитет как основа государственности и этнополитики в Латвии и Эстонии // Этническая политика в странах Балтии / Под ред. В. Полещука, В. Степанова. М.: Наука, 2013. С. 64–91.
- Суюнова Г.С. Межэтническая коммуникация с точки зрения когнитивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 41–49.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
- Anniste K. Võrdse kohtlemise ja võrdsete võimaluste tunnetamine // Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017. Tallinn: Kultuuriministeerium, 2017. L. 79–87.
- Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: The MIT Press, 1989.
- Järve P. Re-independent Estonia // Smooha S., Järve P. (eds) The Fate of Ethnic Democracy in Post-communist Europe. Budapest: Open Society Institute; Local Government and Public Service Reform Initiative, 2005. P. 61–79.
- Kim Y.Y. From Ethnic to Interethnic. The Case for Identity Adaptation and Transformation // Journal of Language and Social Psychology. 2006. Vol. 25. No. 3. P. 283–300.
- Kruusvall J. Rahvussuhted // Eesti ühiskonna lõimumismonitooring 2015. Uuringu aruanne. Tallinn: Kultuuriministeerium, 2015. L. 61–71.
- Pettai V., Hallik K. Understanding Processes of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Cooptation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalities. 2002. Vol. 8. No. 4. P. 505–529.
- Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
- Rogers E.M., Hart W.B., Miike Y. Edward T. Hall and the History of Intercultural Communication: the United States and Japan // Keio Communication Review. 2002. No. 24: 3–26.
- Taylor C. The Politics of Recognition // Gutmann A. (ed.) Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 25–73.
- Wirth L. Community Life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

Статья поступила: 07.11.17. Финальная версия: 07.02.18. Принята к публикации: 24.10.18.

CURRENT STATE OF INTERETHNIC COMMUNICATION IN LATVIA AND ESTONIA

VOLKOV V.V.*, POLESHCHUK V.V.**

*University of Latvia, Latvia, **Legal Information Centre for Human Rights, Estonia

Vladislav V. VOLKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia, Professor of Baltic International Academy, Riga, Latvia (vladislavs.volkovs@inbox.lv); Vadim V. POLESHCHUK, Master Sci. (Law), Advisor, Legal Information Centre for Human Rights, Tallinn, Estonia (vadim@lichr.ee).

Acknowledgements. The paper is funded by project No. NFI/R/2014/06 and group ALDE (European Parliament).

Abstract. The article shows the nature of inter-ethnic communication in modern Latvia and Estonia in the areas related to the implementation of identity of ethnic minorities. For the authors it was important to determine whether ethnic majorities (Latvians in Latvia and Estonians in Estonia) are ready to discuss the related issues. It was also important to realise whether Russians as the largest ethnic minority in these countries are ready to accentuate these issues in their communication with Latvians and Estonians. The authors relied on materials of two research projects, one in Latvia and one in Estonia. These research projects revealed a mixed assessment by the respondents of the values of ethnic minority identities in Latvia and Estonia, and thus the significance of inter-ethnic communication on the issues directly affecting the preservation and development of ethnocultural identities of ethnic minorities. The recognition of equality of people with different ethnic identities in various spheres of social life coexists with the recognition of different roles that collective ethnic and cultural identities of Latvians/Estonians and ethnic minorities play in the society. The current state of inter-ethnic communication in Latvia and Estonia suggests differences in the status of identities of ethnic majorities and ethnic minorities in public and political life and absence of policies to accommodate these statuses through an active interethnic dialogue. There is a clear evidence of the collision of the proclaimed liberal principles and the existing ethnic division in Latvia and Estonia.

Keywords: interethnic communication, ethnic minorities, ethnic majority, ethnocultural identity, Russian-speaking population, Latvia, Estonia.

REFERENCES

- Abels H. (2000) *Interaction, Identity, Presentation. Introduction to Interpretative Sociology*. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Anniste K. (2017) Võrdse kohtlemise ja võrdsete võimaluste tunnetamine. In: *Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017*. Tallinn: Kultuuriministeerium: 79–87. (In Est.)
- Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cohen J.L., Arato A. (2003) *Civil Society and Political Theory*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Habermas J. (2000) *Moral Consciousness and Communicative Action*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Habermas J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Järve P. (2005) Re-independent Estonia. In: Smooha S., Järve P. (eds) *The Fate of Ethnic Democracy in Post-communist Europe*. Budapest: Open Society Institute; Local Government and Public Service Reform Initiative: 61–79.
- Kim Y.Y. (2006) From Ethnic to Interethnic. The Case for Identity Adaptation and Transformation. *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 25. No. 3: 283–300.
- Kruusvall J. (2015) Rahvussuhted. In: *Eesti ühiskonna lõimumismonitooring 2015. Uuringu aruanne*. Tallinn: Kultuuriministeerium: 61–71. (In Est.)
- Pettai V., Hallik K. (2002) Understanding Processes of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Cooptation in Post-communist Estonia. *Nations and Nationalities*. Vol. 8. No. 4: 505–529.
- Poleshchuk V., Dimitrov A. (2013) Continuity as the Basis of Statehood and Ethnic Politics in Latvia and Estonia. In: Poleshchuk V., Stepanov V. (eds) *Ethnic Policy in the Baltic States*. Moscow: Nauka: 64–91. (In Russ.)
- Rawls J. (2005) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rogers E.M., Hart W.B., Miike Y. (2002) Edward T. Hall and the History of Intercultural Communication: the United States and Japan. *Keio Communication Review*. No. 24: 3–26.
- Suyunova G.S. (2014) Interethnic Communication from the Point of View of Cognitive Approach. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. No. 2: 41–49. (In Russ.)

- Taylor C. (1994) The Politics of Recognition. In: Gutmann A. (ed.) *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. Princeton, NJ: Princeton University Press: 25–73.
- Volkov V.V. (2013) Demographics of the Russian Population of Latvia in XX–XXI Centuries. In: Poleshchuk V., Stepanov V. (eds) *Ethnic Policies in the Baltic States*. Moscow: Nauka: 177–196. (In Russ.)
- Volkov V.V. (2015) Ethnic Minorities in Latvian Political Discourse. In: Tishkov V., Stepanov V. (eds) *Ethnopolitical Situation in Russia and Bordering States in 2014. Annual Report*. Vol. 2. Moscow: IEA RAN: 725–732. (In Russ.)
- Volkov V.V. (2016) The Identity of Ethnic Minorities in Political Life and in Scientific Research in Latvia. In: Dmitriev A. (ed.) *Identification Strategy of Diaspora and Compatriot Groups in the Russian Regions*. Moscow: Novyj Khronograf: 137–153. (In Russ.)
- Wirth L. (1956) *Community Life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth*. Chicago: University of Chicago Press.

Received: 07.11.17. Final version: 07.02.18. Accepted: 24.10.18.